

ФЕНОМЕН КАНСЕЛИНГА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

И. Ю. Тихонова, А. С. Кравец

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 декабря 2024 г.

Аннотация: с расширением информационного пространства и увеличением времени взаимодействия людей в глобальных и локальных сетях популярность приобрел феномен канселинга. Данный феномен, являясь новой формой социального ostracism, позволил не только бороться с индивидами, нарушающими признанные нормы и модели поведения, но и формировать эталоны приемлемости в индивидуализированном обществе. Предпринята попытка исследовать причины усиления действия механизма отмены в информационно-коммуникативном пространстве, определить роль канселинга в формировании социального признания и социальной солидарности.

Ключевые слова: канселинг, cancel culture, информационное общество, социальное признание, стигматизация, социальный ostracism.

Abstract: with the expansion of the information space and the increase in the time of interaction between people in global and local networks, the phenomenon of cancellation has gained popularity. This phenomenon, being a new form of social ostracism, has allowed not only to fight against individuals who violate recognized norms and models of behavior, but also to form standards of acceptability in an individualized society. This article attempts to study the reasons for the strengthening of the cancellation mechanism in the information and communication space, to determine the role of cancellation in the formation of social recognition and social solidarity.

Key words: cancel, cancel culture, information society, social recognition, stigmatization, social ostracism.

С начала XXI в. в массовой культуре и обществе небывалую популярность приобрел феномен канселинга, или «cancel culture». Последнее название в меньшей степени представляется нам корректным, поскольку канселинг является лишь одним из феноменов современной культуры. Канселинг представляет собой движение против тех, кто нарушает общественные устои, выражающееся в осуждении не соответствующего определенным стандартам поведения и бойкотировании реализующих такое поведение индивидов.

Следует заметить, что канселинг является современной формой общественного ostracism, а потому имеет сходные с ним характеристики и функции. Феномен ostracism был распространен в истории в качестве механизма социального воздействия. Выполняя данную функцию, социальный бойкот позволял структурировать общество и удерживать его от распада, демонстрируя приоритетные задачи социума, а также правила, по которым он функционирует, и стигматизируя характеристики его членов, не совместимые с образом нормального индивида. Культура и социальная жизнь невозможны без стигматизации, наделения негативными характеристиками человека или группы людей, на основании присущих

им особенностей. «Так, многие религии предусматривали возможность отлучения от церкви и участия в делах общины за ересь и вероотступничество, при этом наказание могло включать в себя одновременное лишение гражданских прав: запрет занимать высокие должности или наниматься на любую работу, заключать от своего имени договоры, вступать в брак, а его последствия могли распространяться на детей отлученного» [1, с. 40].

Общественный ostracism исторически был связан с явлением стигматизации. Последняя позволяла сформировать социальный каркас через уточнение тех моделей поведения, ценностей и норм, реализация которых была предпочтительна для сообщества и способствовала бы формированию социальной солидарности.

Понятно, что и ostracism, и стигматизация есть проявления социальной динамики. Предписываемые обществом стандарты не только соблюдаются, но и нарушаются, что также значимо для социальной структуры при наличии санкций, позволяющих вернуть систему к устойчивому состоянию. Так, известный исследователь социального действия И. Гофман писал: «Приверженность правилам обеспечивает постоянство и упорядоченность поведения; хотя это не единственный источник регулярности в человеческих отношениях, он, безусловно, очень важен. Разумеется, бывает и так, что одобряемые обществом

правила поведения неявно нарушают, обходят или используют в неблагоприятных целях. Однако такие отклонения служат лишь дополнением к тем случаям, когда правила регламентируют по крайней мере внешнюю сторону поведения» [2, с. 66].

В связи с этим Гофман размышлял о разных видах адаптивного поведения, которые, с одной стороны, должны поддерживать ценностно-нормативную систему общества за счет следования принятым образцам, а с другой – предполагать стратегии избегания одобряемых моделей поведения и мышления для достижения целей, в настоящее время не являющихся приоритетными и легитимизированными, но необходимых для развития общества.

Принимая во внимание значимость социального бойкота для жизни человека и общества, нельзя забывать и о том, что важнейшее свойство личности – идентичность – является социальным продуктом и напрямую зависит от публично реализуемого поведения и одобрения со стороны социальной среды. Социальное одобрение и осуждение – важнейшие механизмы включения человека в социум, маркеры его причастности определенной социальной группе, устанавливающие значимые в обществе модели существования и сохраняющие традиции.

«Действие, подчиняющееся правилу, становится, таким образом, актом коммуникации, ибо через него получают свое подтверждение социальные Я участников – и то Я, для которого правило выступает обязательством, и то, для которого оно оборачивается ожиданием. Действие, которое регулируется правилами, но не соответствует им, также является актом коммуникации, зачастую даже в большей степени, поскольку нарушения передают новую информацию, нередко отрицающую прежние Я участников», – пишет И. Гофман [там же, с. 69].

Переходя к анализу социального осуждения в современном обществе, заметим, что характерной особенностью информационного общества является превращение социальных медиа в пространство для социального участия. Это взаимодействие более упрощенно, по сравнению с реальной социальностью, поскольку не ограничено реальными институциональными нормами. Кроме того, оно строится через выбор соответствующего контента и способа взаимодействия, подчиняющегося новым этическим нормам. Идея новой этики назрела давно и достаточно активно обсуждалась в научных кругах. Однако до сих пор основные положения ее не сформулированы, но мы попытаемся обрисовать ее границы, чтобы показать, почему канселинг становится ее важным механизмом.

Для новой этики, во-первых, характерно понятие репутации как правильной самопрезентации в сети, основанной на признании равенства и уважения к людям, на доверии к источнику информации и пози-

тивном информационном поле. Во-вторых, новая этика ориентируется на переосмысление речевой агрессии. Конфликтность в сетевом взаимодействии повышается из-за анонимности участников и их безответственности, а потому политкорректность и избегание дискриминации становятся важными этическими установками. Необходимо помнить, что информационное пространство глобально, а потому потенциально аудитория может быть представлена всеми группами населения, в том числе и теми, для кого определенные высказывания могут быть травмирующими. Свобода самовыражения, с одной стороны, и забота индивидов о собственном Я и неприкосновенности личных границ – с другой, ведут к тому, что такое человекоцентричное пространство ставит барьеры нарушению прав личности в виде мгновенной отмены тех, кто был нетолерантен.

Именно поэтому новой формой контроля в контексте новой этики становится канселинг. Действительно молчание, игнорирование – действенные элементы власти, особенно когда существование человека реализуется в речевой среде информационного пространства.

Важной особенностью канселинга в отличие от социального ostracism (который всё же предполагает достаточно однозначную реакцию со стороны общественных институтов), является то, что канселинг регулирует довольно неоднородное общественное мнение. А потому часто затруднительно определить, какие институциональные нормы нарушены отстраненным участником.

Выведение конфликта на уровень информационного пространства позволяет упростить процедуру исключения и бойкотирования, поскольку там они носят в большей степени лингвистический характер.

Кроме того, в информационном обществе важной для личности становится борьба за признание. И в этом смысле канселинг приобретает новый смысл. Человека отменяют, ограничивая свободу и дискредитируя его социальный статус, но, что самое главное, его лишают социального признания. Заявляя о своих взглядах, человек реализует свою субъективность, а потому его бойкотирование в информационном пространстве за образ мышления, способ изложения своей точки зрения и прочее можно определить как социальное непризнание.

Канселинг достаточно прост с точки зрения механизма. Блокирование, игнорирование и прочие методы такого бойкота нельзя назвать конструктивными, однако в современном обществе они весьма действенны. Канселинг позволяет заново стратифицировать общество, выделить в нем необходимые группы своих и чужих, закрепить приемлемую модель поведения за счет ориентации на доминирующую личность, которая обладает функциями осуждения и

исключения неверного поведения. Важно отметить, что субъектность такой доминирующей личности состоит из совокупности одобряемых в данном сообществе черт, а лицо, подвергнутое отмене, реализует субъектность, не признаваемую социумом. В традиционном обществе статус человека зависел от его места в социальной иерархии, в современном – социальное пространство плюралистично и предоставляет свободу выбора моделей поведения, которые однозначно не закреплены за многомерной идентичностью. Поэтому культура отмены позволяет установить границы приемлемости в значимой для субъекта группе в ситуации размывания социальных норм.

Феномен канселинга первоначально довольно интенсивно распространялся в западных странах и в равной степени был характерен как для социальной реальности, так и для инфосферы. В России появление данного феномена связано с несколькими специфическими особенностями социокультурного пространства России. Во-первых, индивидуализация, характерная для западных стран и инициирующая свободу и относительную независимость от социальных институтов в процессе самоопределения личности, в России была ограничена национальными традициями и относительной устойчивостью социума. Во-вторых, в нашей стране менее интенсивно было выражено публичное отстаивание интересов небольших социальных групп, и в большей степени при определении границ легитимного поведения субъекты опираются на государственные стандарты и национальные ценности. Имеющееся доверие к общественным институтам в России и традиционный менталитет допускают ограниченные вариации с системой лояльности по отношению к членам своего общества.

Именно поэтому в контексте нашей культуры механизм канселинга как отмена на уровне повседневного взаимодействия индивидов и небольших сообществ всё более реализуется в информационном пространстве, которое становится средой формирования общественного мнения.

Говоря о практике применения канселинга в информационном пространстве, заметим, что популяризации социального бойкота способствуют индивидуализация и информатизация. Что касается индивидуализации, то возможность принимать решения вне давления социальных институтов в сети ставит вопрос об эталоне приемлемости и нормативности. Утрата социумом данной функции позволяет индивидам принять на себя легитимирующую функцию в информационном пространстве и создавать там свой собственный мир. Любой пользователь социальных сетей для самого себя выступает субъектом, устанавливающим нормы. В отличие от ацентричного в ценностном отношении реального пространства в

инфосреде действующий индивид создает ограниченную группу, где он имеет доминирующий статус, определенный собственными предпочтениями контент и разделяющую его взгляды аудиторию, на которую он может оказывать влияние.

В информационном пространстве механизм отмены является необходимым, поскольку человек как социальное существо стремится к ограничениям со стороны социума (реального или виртуального) и групповому признанию. Именно наличие функции отмены в информационном пространстве отражает стремление индивидов найти сферу своей реализации и значимую для самовыражения общность.

Для молодого поколения, воспитанного в более либеральных условиях и не имеющего опыта жесткого социального ограничения, информационное пространство становится именно той плоскостью, на которую переносится общественная жизнь с определением значимого общения и того, от которого можно отказаться [3; 4].

С расширением виртуальной социальности, в рамках которой формируется коммуникация, накапливается опыт взаимодействия индивидов, усваиваются ценности, происходит становление цифровой общественной жизни, с ее новой этикой и способами регуляции поведения ее членов.

Для информационного пространства бойкот оказывается более адекватным механизмом регуляции коллективного поведения ввиду специфики сетевого взаимодействия с характерными для него: анонимностью, равностатусностью, неинституциональностью норм, которыми руководствуются субъекты, деструктивной формой критики и отсутствием четких критериев для исключения. Более того, для сетевых интеракций, с не свойственным им стремлением к диалогу и достижению согласия, гораздо проще отклонение неугодного общения, нежели его корректировка.

Информационное пространство не только становится средой для формирования общественного мнения, но и берет на себя функции Значимого Другого, обеспечивая признание индивидам. В такой ситуации возросший с появлением социальных сетей нарциссизм является лишним доказательством того, что медиапространство начинает играть в современном обществе немалую социальную роль. В данном случае именно персонификация и нарциссизм способствуют тому, чтобы человек мог с легкостью исключить из своего коммуникативного пространства того, кто ставит под сомнение правильность позиции субъекта.

Цитируя У. Фроне, С. Маккуайр пишет: «По мере того как “игра на медиа” становится символом желательного общественного поведения, стремление зрителей “попасть” в образы индустрии развлечений

только усиливается. Это навязчивое желание “присутствия в телевизоре”, подтвердить и оправдать свое существование в рамках “теста экраном” под взглядом медийного общества и тем самым обеспечить культурную самореализацию характерно для сегодняшнего “медийного нарциссизма”» [5, с. 181].

Стремление продемонстрировать себя, нивелировать границы между личным пространством и публичным оказывается необходимым именно в аспекте желания подтвердить правильность своего существования через повышение своей репутации и статуса в сетевом пространстве.

«Власть камеры уже не в том, что она может за тобой следить, а в том, что она может равнодушно отказаться от наблюдения за тобой», – пишет С. Маккуайр [там же, с. 180], и в этом чередовании доступности/недоступности моего Я для восприятия Других заложена гарантия моего существования. А потому «Вы отменены» в контексте инфосреды можно заменить выражением «Вы прекратили существовать». Действительно, удаление из публичного дискурса воспринимается как прекращение существования в информационном пространстве, и для некоторых это оборачивается выводом о том, что нет внимания – нет реальности.

Исходя из сказанного выше, мы видим, что идея канселинга, реализованная в культуре информационного общества, гораздо глубже, чем это может казаться на первый взгляд.

Отмена не просто устанавливает границы неприемлемому поведению, но и выводит нас на новый уровень социального признания. Реализуясь в информационном пространстве через блокировку неудобных субъектов, канселинг позволяет сделать человека невидимым для сообщества. Как пишет А. Хоннет, «речь идет, очевидно, не о физическом отсутствии, но о социальном небытии» [6, с. 196]. И далее: «Мы располагаем возможностью выразить присутствующим свое к ним безразличие, ведя себя так, словно

их нет в комнате. В этом плане “смотрение сквозь” другого обладает перформативным элементом, поскольку требует манеры поведения или жестов, свидетельствующих о том, что этого другого не видят не просто случайно, а именно намеренно» [там же, с. 197]. Новые информационные технологии меняют тип социального взаимодействия. Практика завершения отношений без объяснения с партнером и отказ от выстроенной прежде коммуникации становятся всё более распространенными, ослабляя в то же время эмоциональные связи между людьми и усиливая их социальную разобщенность.

Получив развитие в инфосфере, канселинг постепенно переносится обратно в реальную жизнь, неоднозначно влияя на взаимодействия между индивидами. Так, привыкая к упрощенной форме коммуникации в сетях и отсутствию ответственности перед анонимными собеседниками, человек с легкостью использует возможность отмены адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены : история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3, вып. 3–4 (17). С. 40–44.
2. Гофман И. Ритуал взаимодействия : очерки поведения лицом к лицу. М. : Смысл, 2009. 319 с.
3. Бойкина Е.Э. Современные лики социального остракизма : гостинг, орбитинг, фаббинг, культура отмены // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11, № 2. С. 131–140.
4. Твенге Дж. М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных. М. : РИПОЛ классик, 2019. 406 с.
5. Маккуайр С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. М. : Стрелка, 2014. 243 с.
6. Хоннет А. Невидимость : об эпистемологии признания // Versus. 2021. № 1(1). С. 194–213.

Воронежский государственный университет
Тихонова И. Ю., кандидат философских наук, доцент
кафедры онтологии и теории познания
E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru

Кравец А. С., доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой онтологии и теории познания
E-mail: kravets2011@mail.ru

Voronezh State University
Tikhonova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge
Department
E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru

Kravets A. S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Ontology and Theory of Knowledge
Department
E-mail: kravets2011@mail.ru